

Михаил ЛАБАЩУК

© 2004

ГУМАНИТАРНЫЙ СМЫСЛ: ТЕРМИН ИЛИ СВОБОДНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ?

Если мы признаем объект гуманитарных наук принципиально отличающимся от объекта естественных наук, то должны быть отчетливо выявлены основания такого отличия. Принципиальным отличием может быть признано следующее: объектом гуманитарных наук являются смыслы, исследуемые при помощи смыслов, в то время как объектом естественных наук являются исследуемые при помощи смыслов объекты чувственного восприятия, или явления внешнего мира.

Для того, чтобы ответить на вопрос, является ли объект гуманитарного исследования фактом или же он является мифом, необходимо обратиться не только ко второй части вопроса „факт или миф?“, но в той же мере к первой части – „объект гуманитарного исследования“. Очевидным и последовательным ответом на вопрос „Что является объектом гуманитарного исследования?“ был бы следующий ответ: гуманитарный смысл. Однако дальнейшее уточнение влечет за собой значительное усложнение и расчленение отношений внутри и вовне этого еще не структурированного представления „гуманитарный смысл“.

Л.Толстой утверждал, что «...мысли, служившие основанием различных философских теорий, составляют нераздельные части ума» (Толстой, 1978, т.1: 166) Можно привести много свидетельств в пользу несимметричности и неравноценной соотносительности сенсорно-чувственных, образно-чувственных, понятийно-мыслительных и вербально-мыслительных состояний. Материализм утверждает адекватное отражение действительности органами чувств и сознанием субъекта, субъективный идеализм и рационализм утверждают, скорее, отсутствие какой-либо связи между внешней действительностью и сознанием. Критическая философия И.Канта утверждает, что такая связь есть, но причина, источник и качество этого источника для нас абсолютно непознаваемы.

Философия А.Бергсона, О.Шпенглера или теория лингвистической относительности стремятся убедить в том, что язык неизбежно искажает мир, склоняет человека к заблуждениям. В то же время философия М.Хайдеггера или Х.Гадамера превозносит язык над всем сущим – это „дом Бытия“ или „свет одной-единственной истины“. Одни лингвистические теории утверждают, что языковое значение является частью понятия, другие – что понятие является частью языкового значения. Среди всего этого неоспоримым фактом остается факт действительной асимметрии способностей. Экспериментальная физиология склоняет верить в то, что мы получаем из внешнего мира лишь часть информации, которая опять же обрабатывается и используется субъектом тоже лишь частично.

И.Кант весь опыт человека называл знанием.: „Во всем возможном опыте как целом заключаются все наши знания“ (Кант, 1964: 226). А.Потебня и И.Бодуен де Куртене более конкретно выделяли следующие три типа знаний – чувственно-образные, научно-теоретические и языковые. Наши знания отличаются разной мерой структурированно-

сти. Когнитивная функция сознания и языка именно и проявляется в способности переструктурирования знаний.

Одними из самых существенных реалий существования субъекта являются пространство и время. Следствием такой обусловленности является то, что гуманитарный смысл непосредственно определяется этими категориями. Человек существует в определенном пространстве и в определенный хронологический момент. Именно категории пространства и времени находятся в основе многих философских и научных теорий. Независимо от того, какими по онтологии считать эти категории – объективными (как, например, у Лейбница, Ньютона, Маркса и др.) или субъективными (как, напр., у Платона, Канта, Шпенглера и др.) – любое научное исследование должно по возможности предельно точно учитывать непосредственное отношение объекта исследования к определенному времени и определенному пространству.

Уточнение пространственных или хронологических характеристик определенного объекта исследования (в частности, языка и, шире, гуманитарного смысла) может существенно изменять как его собственную гносеологическую структуру, так и качество тех функций, которые он выполняет в деятельности конкретного индивида или в конкретном социуме. Именно эта мысль составляет основу научных теорий классиков философии, языкознания, психологии, напр., теорий языка Ф.Соссюра, И.Бодуэна де Куртенэ и др.

Одними из базовых принципов теории языковой деятельности Ф.Соссюра являются следующие:

- принцип непрерывности языка и изменчивости языка во времени,
- принцип непрерывности языка и изменчивости языка в пространстве.

«Язык варьирует во времени, и в то же время он варьирует, или разнится, в пространстве. Язык, взятый в два разных момента времени, не тождествен самому себе. Взятый в двух более или менее отдаленных друг от друга пунктах на территории своего распространения, он также не тождествен самому себе» (Соссюр 1990, 41). Таким образом, главным принципом, который является важнейшим условием передачи человеческой речи, является принцип непрерывности во времени. Принципом, противоположным ему, является принцип изменчивости во времени. При этом Ф.Соссюр подчеркивает, что в исследовании языка признание изменчивости языка во времени никак не противоречит (в этом и состоит суть подхода!) признанию непрерывности языка во времени.

Следует подчеркнуть, что под языком Ф.Соссюр (как и Бодуэн де Куртенэ) понимал систему инвариантных и модельных единиц разных уровней, которые в конкретной речи (в речевой деятельности) воплощаются в речевые элементы, напр., в высказывания, тексты (по Л.Щербе, в «языковой материал»). Именно в приоритетах отношений инвариантного языка и вариативной речи состоит объяснение стабильности и изменчивости языка.

Причиной вариативности гуманитарных смыслов в широком понимании (а также в узком понимании – жанров, текстов и их функций и др.) являются носители языка и социально-экономические условия. В сложных отношениях социального и индивидуального состоит объяснение изменчивости языка, вариативности структуры текста и функций жанров. «...история общества представляет собой сумму развития отдельных индивидуумов... Особей, существующих одновременно, разделяет пространство; особей, следующих друг за другом, разделяет время. Но это разделение не абсолютно, наоборот, лакуны, пустые места между индивидами дают им возможность взаимного понимания и взаимного влияния друг на друга, – одним словом, история является опосредованным развитием» (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 223).

Принцип непрерывности и изменчивости языка во времени и пространстве объясняет, как многообразные семиотические (и смысловые несемiotические) явления могут изменяться и реально изменяться во времени и пространстве, при этом оставаясь самими собой. Фактор индивидуального психофизиологического мышления и речи (как

принцип изменчивости языка) может входить в противоречие как с собственной индивидуальной инвариантной языковой системой говорящего, так и с подобными системами других говорящих конкретной социальной языковой группы или коллектива. Но фактор идиолекта (то есть, языковой индивидуальности) нередко может находить также и отклик в этом социолекте (языковом коллективе).

Таким образом, причиной языковых изменений является не только временной или пространственный фактор, но и фактор социально-стратификационный. Фактор социальной стратификации проявляется не во временных или пространственных отличиях, а в социальном расслоении носителей по культурно-профессиональным признакам (то есть, по уровню образования, воспитания, по интеллектуальным и духовным качествам индивидов).

Традиционно выделяются следующие типы мышления – логический, вербальный, образный, наглядно-практический, инструментальный, экстраполяционный и др. Рационально-логический тип мышления лишь внешне напоминает образцово-единственный, неизменный и вневременной тип мышления. На самом деле он тоже с необходимостью является лишь прояснением изменяющихся и развивающихся сенсорно- и образно-чувственных аспектов и форм мышления на фоне более стабильных и упорядоченных, но тоже развивающихся и уточняющихся способностей субъекта к рациональному созерцанию. Н.Хомский даже утверждает, что «качественные отличия людей характеризуют ум как случайную биологическую систему» (с.198).

Является непоследовательным вывод об ограничении способности познания только до способности рациональной. Такого вывода нет ни у Канта, ни у Выготского – познанием признается гармонизация двух познавательных способностей: «В отношении состояния представлений моя душа бывает или активной и обнаруживает способность, или пассивной и проявляется в восприимчивости. Познание объединяет в себе и то, и другое...» (Кант, 1966: 371).

Л.Выготский говорил о наличии динамической многоуровневой и многофункциональной смысловой системе субъекта, определяющей его поведение. Это, бесспорно, важный аргумент в пользу признания функционально-когнитивной способности не только рациональных, но и других смысловых составляющих жизнедеятельности субъекта. Составляющие и аспекты смысловой системы субъекта, выполняя разные функции, тем не менее строго структурированы и соотнесены между собой разнообразными отношениями. Например, асимметрия языка и сознания имеет сходства с асимметрией сознания и эмоциональной сферы. И в одном, и во втором случае разрыв языка с сознанием либо сознания с аффектом приводит к сакрализации феноменов языка и сознания. Сознание, как и язык, при таком понимании становятся неведомой силой, превосходящей человека и управляющей им.

В реальных же процессах развития и поведения не может быть однозначного определения языка сознанием или определения сознания эмоциями, как и наоборот, определения сознания языком или эмоций сознанием. В данном случае мы акцентируем проблематичность соотношений в субъекте аффективного и рационального, так как эти соотношения аналогично проявляются в проблематике гуманитарных смыслов, в частности, в проблематике метафоры, что и требует универсального разрешения. Одной из актуальных проблем метафоры является вопрос, входят ли образно-чувственные представления в структуру метафоры или же метафора является только семантическим вербально-семиотическим явлением. В научных исследованиях этот вопрос не только не решается однозначно, но и имеет диаметрально противоположные разрешения.

Степень осознания структурированности собственных субъективных смыслов, а также мера овладения процессами воображения и языковой деятельности и является мерой свободы мыследеятельности субъекта. Воображение при этом представляется неким существенным звеном, которое связывает соматически-чувственную, эмоциональную сферу личности со сферой семиотически-мыслительной, рациональной и духовной.

Ценность воображения при формировании гуманитарных смыслов состоит в парадоксальном соединении материала эмпирического воображения (свободное, спонтанное комбинирование элементов психики) при воздействии аналитически-волевого воображения личности.

Легко видеть, что все простые наименования в составе целого сложного суждения-вопроса «Объект гуманитарного исследования: факт или миф?» представляют собой гуманитарные смыслы: одно зависит от другого и от целого и определяет целое – объект, гуманитарное исследование, факт, миф, смысл. В какой мере симметричны и обратимы эти отношения и логика их определений? Осмысленные логические предложения описывают структуру смыслового объема-пространства, и в этом отношении справедливы утверждения раннего Л.Витгенштейна: „мы создаем логическое предложение из других предложений” (Витгенштейн, 1994: 77), а также „каждое предложение является своим собственным доказательством” (там же: 78).

Но то, что верно по отношению к логическим смыслам, недостаточно по отношению к смыслам гуманитарным. Логический синтаксис утверждает: «Связь предложения с ситуацией именно в том и состоит, что эта связь является ее логическим образом» (Витгенштейн, 1994: 39). Однако ситуация также имеет еще как минимум свой наглядный образ. В логическом отношении верно то, что: «В предложении должно различаться именно столько составляющих, сколько их есть в ситуации, которую оно воссоздает» (там же: 39). Но, опять же, в чувственной наглядности нет составляющих. Отношения логических компонентов смысла не перекрывают чувственную совокупность полевой целостности наглядности. К тому же законы проекции, о которых говорит Витгенштейн, имеют социальную природу на основе индивидуальной, а не наоборот. Одну и ту же наглядность и чувственность можно проецировать по разным социальным и индивидуальным законам в логическое пространство. В результате гуманитарный смысл будет разным при одной и той же его социальной оформленности.

Такое утверждение, как: «К предложению относится все то, что относится к проекции, но не собственно проецируемое» (там же: 30) – это не чистый солипсизм и не чистый рационализм, это факт редуцирования ситуации к логическим отношениям. Что же является проецируемым? – это, бесспорно, система языка, система понятий, конкретные ментально-чувственные представления и мн. др.. К законам проекции относятся инвариантные системы перевода одного типа информации в другую (напр., чувственности в понятийность или понятийности в язык), но также и особенности организации физиологического гомеостаза субъекта и конкретные его интенции. «Чтобы избежать ошибок, надо употреблять язык знаков, который подлежит логической грамматике – логическому синтаксису» (Витгенштейн, 1994: 33). За крайность таких убеждений всегда критиковали Витгенштейна, но лишь отчасти справедливо, так как в дискуссиях речь шла о разном понимании объема объекта исследования.

То, что логический синтаксис представляет собой чисто семасиологический подход, доказывает следующая цитата: «Через предложение должно быть дано все логическое пространство» (там же: 36). Но, как мы отметили, символ логической грамматики связан общностью с системой языка (это ценность знака), с системой понятий (координатная общность понятийных отношений Л.Выготского). В реальной практической жизни он также неизбежно связан с образами и наглядными представлениями. Предложение определяет место чувственности в логическом пространстве конкретного субъекта, и здесь следует подчеркнуть слово «конкретного». И это предопределяет невозможность полной логической обратимости гуманитарного смысла субъекта.

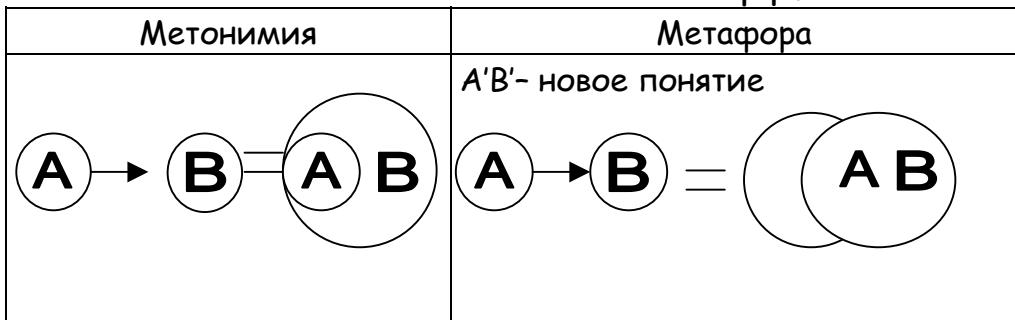
Обыденный язык, как и научный, – достаточно замкнутая на себя структура, однако замкнутая не только на себя. Эта структура обслуживает не единственно коммуникативную деятельность, но и предметную деятельность. В отличие от логических смыслов гуманитарные смыслы являются лишь относительно и частично обратимыми и

симметричными. Типичными примерами необратимости гуманитарных смыслов является метафора и метонимия.

Метонимия – это перенос (иносказание) по смежности, по наиболее устойчивым связям (от приметы на то, что она обозначает), это упрощение, экономия речемыслительных сил. Метонимия – это словопроизводство по связям в денотативном семантическом поле, это соположение, смежение сем – горизонтальное семантизирование.

Метафора – перенос (иносказание) по сходству. Это уточнение, усложнение, неявное интеллектуальное напряжение. Это словопроизводство по категориальности, по иерархизированию в связях сем, по их соподчинению – вертикальное семантизирование.

Семантика метонимии и метафоры

В метонимии наименование А переносится на наименование В, при этом значение наименований А и В остается неизменным, однако в наименовании В результате переноса акцентируется определенный его денотативный семантический признак. При семантизировании семы каждого наименования остаются в пределах своих объемов значений, синтетичность задана исходно – значения и понятия не изменяются.

В метафоре наименование А переносится на наименование В, при этом переносе классификационно не однородных понятий или значений (минимум двух) происходит неизбежное взаимопроникновение значений данных семиотических единиц через их категориальные и денотативные семантические компоненты, синтетичность задается интенцией субъекта – формируется новое понятие.

Метафора выполняет функцию логическую, системообразующую, типологическую или классификационную. Это функция эвристического прогнозирования, что является характеристикой научного функционального стиля языка.

Метонимия выполняет функцию свободного спонтанного варьирования связей сем в пределах наглядного поля, в пределах привычного чувственного опыта или привычных понятийных отношений сем, то есть функцию эстетическую или обиходно-практическую. Это функция обыденно-практических проявлений языковой деятельности.

Выводы

1. Объект гуманитарного исследования бесспорно является и фактом, и мифом в меру понимания нами этих смыслов. Обыденный человек не ставит таких вопросов, не потому, что они сложны, а потому, что ответ естествен: прагматика поведения не оставляет альтернативы для отрицания.

2. Проблема состоит в расчленении понятия «гуманитарный смысл»: насколько он является мифом и насколько фактом, и чем определяются эти отношения. Слово сочетание «гуманитарный смысл» имеет тенденцию к тому, чтобы стать термином. На данном этапе это метафора, обозначающая нерасчлененную асимметричность в разной мере структурированных субъективных смыслов (в разной мере структурированных не только в отношении видов смыслов, но и их взаимоотношений). Гуманитарный смысл –

это не только по сути содержания метафора, но и его ближайшим синонимом является термин «метафора» во всем многообразии своего значения..

3. То, что мы называем «гуманитарный смысл», имеет свою строгую логику – и формальной выраженности, и семантической структурированности, и референтивной отнесенности. То, что эта логика нами чаще всего лишь смутно осознана, позволяет относиться к выражению «гуманитарный смысл» со значительной долей вольности, субъективности, произвольности и ненаучности. Для строгости определения необходимо соотносить актуальный гуманитарный смысл конкретного субъекта с конкретной ситуацией производства или воспроизводства этого смысла. Сложность этого и создает условия для нестрогости восприятия гуманитарных проблем.

4. Существует воображение и мышление пассивное и активное. Современные философские и научные исследования осуществляются преимущественно под знаком рационализма, так как последним критерием приемлемости определенной точки зрения является стабильность логико-математической основы сознания.

Такие традиционные смыслообразующие приемы как метафора и метонимия обслуживают не только логические способности субъекта, включая и другие способности, в частности образные представления и волевые интенции.

Можно утверждать первенство и функциональное преимущество метонимии перед метафорой, причем как в диахроническом филогенетическом, так и в диахроническом онтогенетическом плане, то есть в истории рода и в истории индивида.

Сущность типа речемышления определяется направленностью интенции субъекта на выделение и синтезирование категориальных и референтивных составляющих понятийной и языковой систем субъекта. В продуктивном речемышлении именно метафорический и метонимический способы изображения синтезируют соответственно либо (преимущественно в научном типе речемышления) аналитичный десигнат (синтез категорий – термин) либо (преимущественно в художественном типе речемышления) аналитичный денотат (синтез референций – образ, чувственный или языковой).

Метонимия является основным изобразительным средством в отображении “внешнего” мира, так как она успешнее передает недискретность его созерцания – это чувственная ступень к логическому пространству. Метафора является основным изобразительным средством в отображении “внутреннего” мира, так как успешнее передает категоризирование, направленность на иерархирование понятий – это, наоборот, логическая ступень к чувственному времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бодуен де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963, т.1
2. Витгенштейн Л. *Tractatus logico-philosophicus*. – К., 1994
3. Кант И. Соч. в 6-ти т. – М., 1964, т.3
4. Кант И. Соч. в 6-ти т. – М., 1966, т.6
5. Лабашук М. Слово в науке и искусстве. – Тернопіль, 1999
6. Лещак О. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики. – Тернопіль, 1996
7. де Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. – М., 1990
8. Толстой Л. Собр. соч. в 22-х т. – М., 1978, т.1
9. Хомський Н. Роздуми про мову. – Львів, 2000.